

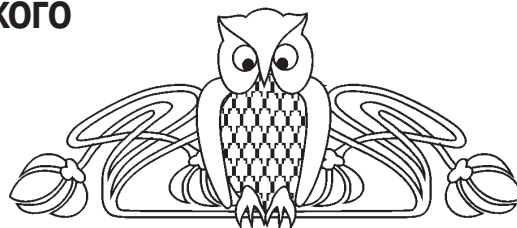

УДК 821,161,1,09:801,73+929Тарковский

ФИЛОСОФИЯ СЛОВА АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

С. В. Кекова

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: kekova@yandex.ru

Статья посвящена философскому анализу поэтического слова А. Тарковского. Показано совпадение поэтической интуиции Тарковского и лингвофилософских построений русских религиозных философов. Родство русской метафизической поэзии и русской философии, основывающейся на фундаменте христианской онтологии, свидетельствует о едином духовном развитии национальной культуры.

Ключевые слова: поэтическое слово, имя, метаморфозы, логос, А. Тарковский.

Philosophy of Word of Arseny Tarkovsky in Context of Russian Religious Philosophy of Language

S.V. Kekova

The article focuses on the analysis of the poetic word of A. Tarkovsky. The coincidence of the poetic intuition of A. Tarkovsky and linguistically-philosophical framework of Russian philosophers is shown. The kinship of Russian metaphysical poetry and Russian philosophy based on the Christian ontology testifies to the common spiritual development of national culture.

Key words: poetic word, name, metamorphoses, logos, A. Tarkovsky.

Одной из черт современного философского дискурса является интерес к поэзии как одной из форм философской мысли. И. Н. Сиземская в работе «Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца»» отмечает, что близость философии и поэзии может принимать разные формы – во-первых, взаимодополняемости, когда поэт и философ «соединяются» в одном лице (наиболее выразительные примеры подобного соединения дает творчество М. В. Ломоносова, А. С. Хомякова, В. С. Соловьёва), а во-вторых, интенции, когда философская рефлексия является глубинным источником вдохновения наравне с образностью мышления¹. В поэтических мирах таких поэтов, как А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, А. А. Фет, К. К. Случевский и другие, философия как бы пронизывает поэтическое творчество, являясь смыслообразующим элементом. Эти мысли современного исследователя продолжают, таким образом, плодотворную традицию отечественной философии – рассматривать русскую литературу в целом и поэзию в частности с точки зрения воплощения в них тех или иных философских интуиций. Так,

С. Франк в статье «Русское мировоззрение» писал: «Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных. Наша проникновенная, прекрасная литература, как известно, – одна из самых глубоких, философски постигающих жизнь»². Однако в трудах русских религиозных философов – по вполне понятным историческим причинам – мы находим обращение к поэзии золотого и Серебряного века, хотя философско-метафизическая линия русской поэзии продолжалась в творчестве таких поэтов, как Н. Заболоцкий, А. Введенский, Д. Хармс, Д. Андреев, А. Тарковский, С. Липкин, И. Бродский и другие, что ставит перед современным исследователем задачу постижения особенностей их философско-поэтического мышления.

Одним из глубоких поэтов-мыслителей, вошедших в русскую литературу во второй половине XX в., является Арсений Тарковский, чья поэтическая интуиция соприродна интуиции философской. Отличительной особенностью творческого мышления А. Тарковского является напряженное внимание к тайне человеческого слова вообще и поэтического слова в частности. В стихотворении, которое так и называется «Слово», поэт пишет: «Слово только оболочка, / Пленка, звук пустой, но в нем / Бьется розовая точка, / Станным светится огнем, // Бьется точка, вьется живчик, / А тебе и дела нет, / Что в сорочке твой счастливчик / Появляется на свет» (1, 71)³. Для Тарковского слово – порождение любви, оно «зачинается» и «рождается». Но за этим представлением о слове как о живом организме, как о «существо» скрывается другая интуиция – интуиция, говорящая о власти слова над жизнью человека: «Власть от века есть у слова, / И уж если ты поэт, / И когда пути другого / У тебя на свете нет, // Не описывай заране / Ни сражений, ни любви, / Опасайся предсказаний, / смерти лучше не зови! // Слово только оболочка, / Плёнка жребиев людских, / На тебя любая строчка / Точит нож в стихах твоих» (1, 72). В этом стихотворении перед нами разворачивается целая философия поэтического слова, которое только на первый взгляд – «пленка, звук пустой»; на самом же деле слово скрывает в себе человеческую судьбу, оно «пленка жребиев людских».

По сути дела философия слова, явленная в стихотворении А. Тарковского, демонстрирует нам процесс повышения «онтологического статуса» слова. Русская религиозная философия языка, разработанная в трудах о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, А. Ф. Лосева, дает нам представление об иерархическом модуле слова: слово – имя – Абсолютное Имя (Имя Божие).

Так, одна из основных мыслей о. Павла Флоренского, высказанная им в книге «Имена», состоит в том, что имя есть субстанциальная или эссенциальная форма личности, особая личностная категория, через которую можно познать носителя имени. Он пишет: «Имена и должны быть рассматриваемы, как <...> инварианты личности. Чрезвычайно далекие от какой-либо прямой связи с внешне учитываемыми признаками, даже группами таких признаков, невыразимые слова, они, однако определеннее всего ухватывают самые главные линии личностного строения в их индивидуальной целостности»⁴. В процессе культурологического, эстетического, философского анализа, которому подвергает П. Флоренский имя – этот «архетип духовного строения личности», – философ показывает, что имя обладает формообразующим личностным началом, которое по-своему формирует, направляет, выстраивает личность⁵.

В связи с этим можно сказать, что поэтическое слово Тарковский наделяет свойствами имени. В анализируемом стихотворении слово «выстраивает», определяет судьбу человека так же, как имя «выстраивает» личность. Налицо совпадение мысли философа и интуиции поэта. В чем причина подобного совпадения?

Во-первых, по свидетельству ученика поэта М. Синельникова, А. Тарковского интересовали различные богословские аспекты библеистики (он постоянно читал «Симфонию» на Священное Писание), кроме того, В. Вернадский, с которым поэт был дружен, познакомил его с трудами о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова⁶. Во-вторых, философия слова и имени в своём развитии выходит далеко за рамки сугубо богословских проблем и создаёт оригинальную философско-лингвистическую концепцию языка, интуитивно «исповедуемую» многими поэтами, в том числе и А. Тарковским. Так, у него есть стихотворение, которое даже по названию совпадает с уже упомянутой работой о. Павла Флоренского. Это стихотворение «Имена».

А ну-ка, Македонца или Пушкина
Попробуйте назвать не Александром,
А как-нибудь иначе!

Не пытайтесь.

Еще Петру Великому придумайте
Другое имя!
Ничего не выйдет.
Встречался вам когда-нибудь юродивый,
Которого не звали Гришей?

Нет, не встречался, если не соврать.
И можно кожу заживо сорвать,
Но имя к нам так крепко припечатано,
Что силы нет переименовать,
Хоть каждое затерто и захватано.
У нас не зря про имя говорят:

Оно -

Ни дать ни взять родимое пятно. (1, 268)

Стихотворение, как нам представляется, – своеобразный парафраз тех мыслей, которые высказывает о. Павел в одноименной работе.

Так, уже в теоретической части своего труда П. Флоренский демонстрирует историческую типологию двух знаменательных имен, с которыми связывается определенный характер происходящих в истории событий, имен, «неразложимый психологический остаток» которых свидетельствует о силе имени. Это имена Яков и Варфоломей. О первом имени он пишет: «От древности и до наших дней с ним, и в больших, и в малых масштабах, связаны вихри, около имени Якова возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет. Это не бессильно сплетаемая интрига, не просто личный расчет и не черное предательство из корысти и злобы, а скорее планомерное развертывание некоторого исторического дела, увлеченный ритм истории, собранный в один фокус и попирающий всё стоящее на пути. Это огонь страсти, но страсти не чувства, а воли и рассудка, и нет такого, на что бы ни покусился он, если оно попытается остановить разгоревшийся пожар. Разумеется, таково имя Яков в масштабе историческом, в личном же – оно не достигает этой грандиозности, но тем не менее определяет характер и поведение, ярко выраженные родоначальником всех Яковов – Праотцем Иаковом»⁷.

Другое знаменательное в историческом смысле имя – Варфоломей. В процессе его анализа Флоренский указывает на важнейшую особенность имени вообще – способность содержать в своем духовном каркасе планы высший, средний и низший. В высшем плане имя Варфоломей – отмечает автор – означает дерзновенный духовный порыв, что связано с этимологией этого имени. В среднем же и низшем планах «это имя означает уже не дерзновение, а дерзость, может быть, наглость, опрокидывание каких бы то ни было преград»⁸.

Философский символизм о. Павла Флоренского, явленный в самой плоти его анализа имен Яков и Варфоломей, своеобразно «рифмуется» с символическим реализмом А. Тарковского. Можно сказать, что в стихотворении «Имена» в стяжённом виде присутствует идея как исторической типологии имени, так и неразрывности имени и личности.

Важным для нас является и тот факт, что имена собственные в творчестве А. Тарковского обладают особой силой, которая может порождать текст или элементы текста. Так, в стихотворении

«Феофан Грек» имя Феофан порождает библейские образы теофаний, которые в метафорически зашифрованном виде пронизывают словесную ткань стихотворения. В подтексте стихотворения особыми «центрами силы» являются имена ветхозаветных пророков Исаяи и Иезекииля, апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Однако не только в подтексте, но и явно в художественном мире и поэтическом языке А. Тарковского мы встречаем частое обращение к библейским именам, которые создают особую внутритекстовую ситуацию. Поэт никогда не обращается к именам библейских персонажей для того, чтобы просто написать стихотворение «на библейскую тему»; в его поэзии явлен особый тип поэтического мышления, суть которого – в осознании собственной судьбы, собственного экзистенциального опыта жизни и творчества через жизнь тех библейских персонажей, к именам которых он обращается.

Имена Адама, Давида, Иакова (Израиля), Исаяи, Лазаря, Петра и другие являются своеобразными коррелятами «домостроительства» поэтического мира А. Тарковского. Можно сказать, что в его стихах решается проблема сублимации как проблема «...возведения бытия по ступеням иерархии ценностей снизу вверх»⁹. Библейские имена в его поэзии – это «центры силы», своего рода каналы, через которые вечность входит во время, а хронотоп поэтического текста преобразуется в энотопос¹⁰.

Близка поэтическая интуиция А. Тарковского и к философским построениям о. Сергия Булгакова. В первой главе «Философии имени» «Что такое слово?» Булгаков раскрывает сущность слова как антропокосмического феномена. Философ затрагивает его различные аспекты: проблему «внутреннего» и «внешнего» слова, символической природы слова, соотношения вещи и слова, его формы и смысла и т.д. Он пишет: «Ближайшее всматривание в природу слова показывает нам, что оно подобно произведению искусства, или, почему же не сказать прямо, есть произведение искусства...»¹¹. Эта мысль непосредственно совпадает с интуицией Тарковского, который в нескольких своих эссе и статьях – «Тайна Марии Петровых» (2, 194–197), «Что входит в мое понимание поэзии» (2, 201–206), «О поэтическом языке» (2, 223–225), «Загадка Пушкина» (230–234) и другие – настойчиво повторяет мысль о том, что каждое слово по природе своей метафора, троп, гипербола.

В стихотворении «Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был» Арсений Тарковский пишет: «Больше сферы подвижной в руке не держу, / И ни слова без слова я вам не скажу. / А когда-то во мне находили слова / Люди, рыбы и камни, листва и трава» (1, 73). Последние две строки имеют свой философский аналог в размышлениях Булгакова о том, что язык – это язык самих вещей, их собственная идеация. Булгаков пишет: «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию,

и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично... Наречия различны и множественны, но язык один, слово едино, и его говорит мир, а не человек, говорит мирочеловек»¹². Термин «мирочеловек», к слову сказать, можно с полным правом употребить по отношению к образу человека в таких стихотворениях А. Тарковского, как «Руки», «Я человек, я посредине мира» и др.

Идея о том, что слово по отношению к субстанции есть то, что выявлено из глубины бытия, неоднократно в разных вариантах раскрывается в главе «Что такое слово?». Именно в этом ракурсе Булгаков анализирует и тот сюжет из Книги Бытия, где Адам дает имена животным: «В этом смысле понятен рассказ Книги Бытия о том, как Бог привел к Адаму всех животных, чтобы видеть, “как он назовет их” (Быт., 2: 19), т.е., иначе можно сказать, как они сами назовут себя через него и в нем (курсив мой. – С.К.), ибо он, как человек, как микрокосм, бытийно всех их имел в себе как носитель божественного Логоса, как образ Божий, он имел в себе силу идеации мира, в нем рождалось мировое слово. Почему и прибавлено: “И как Адам назвал каждое живое существо, таково было имя его”. Здесь не могло произойти никакой ошибки, ибо не было субъективности: имена тварей звучали в человеке как их внутреннее слово о себе, как самооткровения самих вещей»¹³. И далее: «Язык дан человеку потому, что в нем и через него (курсив мой. – С.К.) говорит вся вселенная, он есть логос вселенной, и всякое слово не есть только слово данного субъекта о чем-то, но слово самого чего-то»¹⁴.

В самых разных стихотворениях Тарковского проанализированный Булгаковым эпизод из Книги Бытия является главным смыслообразующим элементом. Сравним строки: «И Адамову тайну я чудом открыл» (1, 65), «Но миру своему я не дарил имён: / Адам косил камыш, а я плету корзину» (1, 286). Стихотворение «Я учился траве, раскрывшая тетрадь» в интересующем нас аспекте – своеобразный сгусток поэтической философии слова А. Тарковского. В первой части стихотворения перед нами поэтическая картина самооткровения бытия, его лицо, некие голоса природного мира, живые клетки организма вселенной.

Выстраивание определенных метафорических соответствий (травы – флейта, стрекоза – комета, крыло стрекозы – радуга, росинка – слеза) даёт нам целостную картину единства мироздания, в котором звучит гимн Творцу (отсюда – музыкальные образы зеленых лавов травы, травы-флейты). В этом сложном единстве не исчезает, однако, индивидуальный смысл каждого явления, напротив, он оформляется и выявляется посредством метаморфозы. Логосы тварного мира, оставаясь самими собой, сливаются в едином гармоническом аккорде «осанны». При этом каждый логос всецело отдает себя другим (в этом и заключается суть метаморфозы) и становится

возможной метафорической связью *росинки со слезой, стрекозы с радугой и кометой, травы с флейтой*. Закон единства вообще, а метафорического единства в частности, таким образом, опознается нами как закон взаимной любви. Познание человеком мира, логосов бытия происходит через слово.

Именно так эта проблема решается в философии слова С. Булгакова. Истоки же такого подхода лежат в святоотеческой традиции. Св. Григорий Богослов говорит: «Я беседую с Творцом и постигаю логосы творения»¹⁵. «Вникая в логосы тварей», св. Григорий описывает «весь этот мир, небо, землю, море, эту великую и преславную книгу Божию, в которой открывается <...> Бог»¹⁶.

Для св. Максима Исповедника весь мир логосен и все в мире логосно. «Бог создал первые логосы вещей и сущностей всего существующего»¹⁷. Св. Максим призывает к «исследованию этих духовных логосов видимых тварей». Он высказывает мысль о том, что «надо расшифровывать таинственную криптограмму бытия»¹⁸. Своеобразную расшифровку таинственной книги природы мы находим в анализируемом стихотворении.

«Горящее слово пророка» – расшифрованная криптограмма бытия. Это слово пророка и является раскрытием Адамовой тайны, о которой говорит А. Тарковский. Суть ее – в наречении имен, когда имя-слово всецело выражает логос. Конечно, поэт может только приближаться в своем творчестве к этой тайне, но никогда после грехопадения в своей земной жизни человек не может обрести той духовной незамутненности взора, которая была у первозданного Адама. Оказывается, что даже слово поэта ущербно, оно не обладает той силой и властью, которая некогда была изначально дана человеку – отсюда строка: «В четверть слуха я слышал, в полсвета я видел». О сути этой поврежденности о. Сергей Булгаков пишет: «Слова, идущие из глубины бытия, говоримые в нас самими вещами, обладают всей полнотой космической силы: произнесенное слово звучит во всем мире, ибо логос есть вселенская связь, и все находит себя во всем. Если бы язык наш состоял из таких космических слов, он был бы языком самого космоса <...>. Но это возможно было бы лишь постольку, поскольку и человек был бы человеком, т. е. микрокосмом, во всей славе своей, царем, владыкой и сердцем мира. Но человек в лице Адама еще не успел стать таким, не вступил, по несовершенности своему, в уготованную ему при создании мира власть, как уже грех нарушил равновесие в нем и во всей природе и повредил органы космической речи, и слух, и язык. Голоса вещей стали доноситься глухо и неверно, звук их преломлялся чрез разные призмы человеческой субъективности, в речь ворвался психологизм со всеми его опустошительными действиями»¹⁹. Мы должны отметить удивительное совпадение философской мысли о. Сергия Булгакова с поэтическим

воплощением мироощущения А. Тарковского. Это совпадение происходит не в одном только стихотворении, можно перечислить целый ряд произведений поэта, отдельных образов и строк, раскрывающих фундаментальную интуицию человеческого и поэтического слова.

Одним из ключевых мотивов поэзии А. Тарковского является осознание того, что язык природы, своеобразные «логосы» листьев, воды, травы, звезд, бабочек, стрекоз недоступны и неподвластны человеку и его слову. Об этом стихотворение «Мне опостытели слова, слова, слова»:

Мне опостытели слова, слова, слова.
Я больше не могу превозносить права
На речь разумную, когда всю ночь о крышу
В отрепьях, как вдова, колотится листва.
Оказывается, я просто плохо слышу
И неразборчива ночная речь вдовства.
Меж нами есть родство.

Меж нами нет родства.

И если я твержу деревьям сумасшедшим,
Что у меня в листве по локоть рукава,
То кроме стога, им уже ответить нечем. (1, 320)

Только мгновения высшего откровения или предельного страдания, переживания опыта смерти при жизни позволяют услышать «круглого яблока круглый язык», «белого облака белую речь», как о том говорится в стихотворении «Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был» (1, 73).

Если охарактеризовать слово Тарковского в целом, то следует сказать о псалмическом мелосе его поэзии. Ключевой с этой точки зрения является строчка: «Но ожил у меня на языке словарь царя Давида» (1, 130). Слово Тарковского – это как бы «слово не от мира сего». Сама возможность существования такого слова связана, как нам представляется, с особым духовно-лингвистическим феноменом, суть которого раскрыта о. Георгием Флоровским. Говоря о языке Священного Писания, Флоровский отмечает, что величайшее чудо и тайна Библии состоит в том, что «...она содержит Слово Божие на человеческом языке», причем «человеческий язык нисколько не ослабляет абсолютность Откровения, не ограничивает силу Божьего слова»²⁰. Божие слово, согласно мысли религиозного философа и богослова, не умаляется и не бледнеет от того, что принадлежит языку человеческому. Напротив, человеческое слово преображается, поскольку Бог благоволил говорить на языке человека. Флоровский пишет: «Когда божественная истина сказуется и изрекается на человеческом языке, самые слова преобразуются <...> становятся священными. Слова догматических определений, часто взятые из "повседневного" философского языка, уже не простые и случайные слова, которые можно заменить другими. Нет, это – вечные и незаменимые слова <...> Это значит, что через изречение Божественной истины определенные слова <...> увековечены»²¹.

«Вечные, незаменимые слова», «пресуществленные слова», «увековеченные слова» – именно к этому духовно-языковому полюсу обращено слово Тарковского как выражение его личности.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2.1.3/12199 «Русская философия: единство в многообразии».

Примечания

- 1 См.: Сиземская И. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» // Сиземская И. Поэзия как жанр русской философии. М., 2007. С. 5–28.
- 2 Франк С. Русское мировоззрение // Франк С. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 163.
- 3 Тарковский А. Собр. соч. : в 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 71. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию; в скобках указываются номер тома и страница.
- 4 Флоренский П. Имена. М., 2003. С. 79.
- 5 Там же. С. 85.
- 6 Павловская Е. Христианские идеи в поэзии А. А. Тарковского // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: христианство и культура. Вологда, 2001. С. 256.

- 7 Флоренский П. Имена. М., 2003. С. 55.
- 8 Там же. С. 58.
- 9 Вышеславцев Б. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 67. Там же философ говорит о том, что высшая сублимирующая и преображающая сила может принадлежать только святости: «Только образ, излучающий сияние святости, вызывающий мистический трепет, – только он сублимирует с предельной силой».
- 10 См.: Кекова С. Эонотопос в поэтическом мире А. Тарковского: к проблеме религиозно-философской герменевтики поэтического текста // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 27–31.
- 11 Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1999. С. 16.
- 12 Там же. С. 35.
- 13 Там же. С. 35–36.
- 14 Там же. С. 36.
- 15 Кирриан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 328.
- 16 Там же. С. 328.
- 17 Там же. С. 330.
- 18 Там же. С. 331.
- 19 Булгаков С. Философия имени. С. 191–192.
- 20 Флоровский Г. Богословские отрывки // Флоровский Г. Вера и культура. СПб., 2002. С. 441.
- 21 Там же. С. 449–450.

УДК 2:1+929Несмелов

ФЕНОМЕН ВЕРЫ В ГНОСЕОЛОГИИ В. И. НЕСМЕЛОВА

Д. А. Немова

Саратовский государственный университет
E-mail: beige.88@mail.ru

В статье производится реконструкция концепции русского религиозного философа В. И. Несмелова, в частности, ее гносеологического аспекта. Рассматриваются вопросы соотношения веры и знания, раскрываются механизмы процесса познания и выясняется роль религиозного мышления на пути к полноценному раскрытию аспектов человеческой личности.

Ключевые слова: герменевтика, антропология, русская религиозная философия, вера, знание, интуиция.

The Phenomenon of Belief in V. I. Nesselov's Gnoseology

D. A. Nemova

In article reconstruction of the concept of Russian religious philosopher V. I. Nesselov is given, in particular it's gnosological aspect. Questions of a parity of belief and knowledge are considered, the mechanisms of knowledge process are revealed. The role of religious thinking on a way to full disclosing of aspects of the human person is understood.

Key words: hermeneutics, anthropology, Russian religious philosophy, belief, knowledge, intuition.

Один из интереснейших, мало изученных в рамках отечественной философии мыслителей В.И. Несмелов, активно разрабатывавший вопросы антропологии, гносеологии, онтологии и другие, начинает свое исследование в области антропологии не с гносеологии, как, например, это принято в традиции классической немецкой философии, а с раскрытия психо-онтологической тайны человека и только после этого переводит свою мысль в область вопросов познания. Исходя из данного дискурса рождается оригинальное несмеловское учение о богопознании, об откровении в уме человека идеи Бога, которая не дана человеку «извне, в качестве мысли о Боге, но предметно-фактически осуществлена в нем природою его личности, как живого образа Бога»¹. Не внешний импульс, с точки зрения казанского философа, а ощущение собственной высшей природы помогает человеку обнаружить Бога. «Он реально открывается в нас <...> как безусловная Личность, – утверждает он, –